

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXXIV.

1884.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

бительная, но неправильная форма „Магометъ“ вм. „Могаммедъ“. Пожалѣемъ еще и о томъ, что авторъ нашъ столь хорошо знакомый съ западно-европейскою литературой о Египтѣ и пользующійся ею по мѣрѣ надобности, какъ бы игнорируетъ своихъ русскихъ предшественниковъ въ описаніи Египта. Въ упомянутыхъ нами въ началѣ этой статьи сочиненіяхъ Норова, Ковалевскаго и Рафаловича много самостоятельныхъ наблюдений, и проверка ихъ по прошествіи тридцати или сорокалѣтняго періода представила бы интересную задачу для автора и была бы занимательна для читателей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить еще желаніе, чтобъ авторъ въ случаѣ новаго изданія его книги, приложилъ къ ней указатель, по которому можно бы было навести всегда справки. Особенно это важно для такихъ словъ, которыя могутъ быть для многихъ и непонятны, если изъ памяти исчезнетъ объясненіе ихъ, уже данное авторомъ ¹⁾, такъ, напримѣръ, окель, хахмаръ, минаретъ, бакшишъ, муэдзинъ, мухарабіа, наргиле, михрабъ, минбаръ, гама, медресе, суфи, мевлеви и мн. др.

Внѣшность изданія весьма красива; приложенные къ книгѣ рисунки и планы выполнены очень хорошо. Особенно удачно оказалась намъ мысль присоединить къ плану внѣшней Александріи планъ древняго города, напечатанный на прозрачной бумагѣ, такъ что при наложеніи одного плана на другой видно, что находится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ были древнія постройки.

Г. Л—скій.

Новые матеріалы для исторіи русскаго театра.

Хроника русскаго театра, *Носова*. Съ предисловіемъ и новыми размысканіями о первой эпохѣ русскаго театра *Е. В. Барсова*. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1881.

Исторія русскаго театра за первый періодъ его существованія до такой степени бѣдна документальными источниками и вслѣдствіе того до такой степени темна и сбивчива, что всякія новыя данныя, которыя могли бы хотя немного освѣтить эту далекую и интересную

¹⁾ Замѣтимъ тутъ кстати, что слова мастаба, встрѣчается уже на 92 стр., объясняется только на 249 стр.

эпоху, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Барсова за то, что онъ напечаталъ нѣсколько отысканныхъ имъ документовъ конца XVII и начала XVIII столѣтій, которыя пополняютъ скудный запасъ нашихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Правда, г. Барсовъ не сдержалъ обѣщанія, даннаго имъ въ заглавіи книги: онъ представилъ читателямъ не „разысканія“ о первой эпохѣ русскаго театра, а только выписки изъ „одной“ (какой—не объяснен дошедшей до насъ рукописи 1677 года, изъ бумагъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ брошю г. Титова „Новыя данныя о Димитріи Ростовскомъ“, съ немногими и очень краткими примѣчаніями; но эти выписки сами по себѣ столько характерны, что, безъ сомнѣнія, послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для будущаго историка нашего театра. Такъ „одна“ рукопись 1677 года сообщаетъ, что въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича, кромѣ Иоганна-Готфрида Грегори, во главѣ руководителей театральнаго дѣла въ Москвѣ былъ нѣкто Степа Чижинскій, „львовскаго повѣту шляхетской сынъ“, бывшій учителемъ латинскаго языка въ Кіево-братской академіи. Этотъ Чижинскій былъ приставленъ въ комедійному дѣлу бояриномъ Матвѣевымъ и по приказу сочинилъ комедію „О Давидѣ съ Голиафомъ“ и нѣсколько другихъ; онъ же училъ комедійному дѣлу 80 человѣкъ всякаго чина людей, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Изъ этихъ фактовъ, оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными, г. Барсовъ заключаетъ, что Чижинскій былъ призванъ въ Москву Матвѣевымъ для того, чтобы „продать московскому театру чисто-русскаго или славянскаго характера, такъ какъ тогдашнее русское общество не могло удовлетвориться тяжелыми переводами нѣмецкихъ пьесъ, которыя давалъ Грегори, кое-какое заключеніе представляется намъ нѣсколько поспѣшнымъ: слѣдуетъ имѣть въ виду, что при Алексѣѣ Михайловичѣ театръ существовалъ не для общества, то-есть, не былъ публичнымъ (такимъ онъ явился лишь при Петрѣ), а только для царя и придворныхъ; онъ же всегда былъ очень доволенъ представленіями труппы Грегори. Далѣе, какой „чисто-русскаго или славянскаго“ характеръ могли дать нашей сценѣ произведенія въ родѣ „Давида съ Голиафомъ“ всей вѣроятности, обыкновенной школьной пьесы, какія были въ ходу въ Кіевской академіи? Вѣдь и Грегори давалъ подобныя библейскія „комедіи“—объ Адамѣ и Евѣ, объ Іосифѣ, объ Іудѣ и т. д.; стало быть, въ этомъ отношеніи существенной разницы репертуарѣ обѣихъ труппъ не было. Вѣроятноже кажется намъ

положеніе, что Чижевскій былъ приглашенъ съ цѣлью дать театральному дѣлу въ Москвѣ болѣе широкое развитіе и упрочить его, что было далеко не лишнимъ, въ виду того, что наследникъ царя Алексѣя Михайловича, по видимому, былъ не такъ расположенъ къ заморской потѣхѣ, какъ его родитель. Мы знаемъ, что со смертью Алексѣя Михайловича комедійное дѣло въ Москвѣ совсѣмъ заглохло, и что уже въ декабрѣ 1676 г. новый царь указалъ очистить палаты, которыя были заняты на комедію ¹⁾. Слѣдовательно, Матвѣевъ, какъ любитель театра, желая поддержать комедійное дѣло, могъ заботиться объ увеличеніи числа учениковъ-актеровъ и о пополненіи репертуара, и съ этою цѣлью могъ пригласить Чижевскаго въ помощъ Григори, а не для соперничества съ нимъ и не для того, чтобы вытѣснить Нѣмцевъ съ русской сцены ²⁾.

Гораздо подробнѣе и интереснѣе данныя, добытыя г. Барсовымъ изъ архивныхъ дѣлъ относительно театра при Петрѣ Великомъ. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о повѣзкахъ извѣстнаго Лиа Славскаго въ Польшу и Германію за актерами, полный текстъ договорныхъ статей съ Юганномъ Кунштомъ (1702 г.), „доносительное письмо“, съ жалобами на Славскаго, которое Кунштъ подалъ въ томъ же году въ посольскій приказъ, и объясненія Славскаго, свѣдѣнія о жалованьи актерамъ, о музыкантахъ, данныя, относящіяся къ устройству „комидійной хранины“, свѣдѣнія о входныхъ билетахъ Петровскаго театра и о театральныхъ сборахъ. Къ этимъ документамъ г. Барсовъ счелъ нужнымъ присоединить выписки изъ недавно изданной г. Шляпкинымъ комедіи 1701 г. „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“ и изъ піесы, сложенной учениками школы Дмитрія Ростовскаго и разыгранной въ Ростовѣ въ день его ангела, въ 1704 году.

Свѣдѣнія, извлеченныя г. Барсовымъ изъ архивныхъ дѣлъ, безспорно, имѣютъ цѣну для первоначальной исторіи нашего театра, какъ несомнѣнныя и документальныя. Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же объ изданной имъ „Хроникѣ“ актера Носова, представляющей, какъ мы постараемся показать, наборъ фактовъ самаго сомнительнаго достоинства. Но скажемъ прежде нѣсколько словъ объ авторѣ этой хроники и о ея судьбѣ въ нашей литературѣ.

¹⁾ См. этотъ указъ въ книгѣ *Е. Е. Замысловскаго: Царствование Θεодора Алексѣевича, I, прилож., стр. IV.*

²⁾ Кстати замѣтить, что нѣсколько новыя свѣдѣнія о Григори встрѣчается въ вышедшей въ 1883 г. въ Берлинѣ книгѣ: *Relation du voyage en Russie fait en 1674 par Laurent Rinhuber.*

Актеръ Иванъ Носовъ извѣстенъ намъ только по небольшой статейкѣ „Изъ воспоминаній стараго актера“, помѣщенной въ Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ 1857 г. № 12. Въ этой статейкѣ рѣзко сказано нѣсколько анекдотовъ о Дмитревскомъ, и между прочимъ говорится, что авторъ (Носовъ) учился у Дмитревскаго декламации и посѣщалъ его, начиная съ 1813 года. Что касается до „Хроникъ“, то ею, по видимому, пользовался еще Ф. А. Кони, въ своей, довольно фантастической, статьѣ: „Русскій театръ, его судьбы и его историка“ (Русская Сцена 1864, №№ 2, 3, 6 и 8). Первые свѣдѣнiя объ этой рукописи, если не ошибаемся, были сообщены В. И. Родиславскимъ, въ статьѣ: „Древнѣйшая летопись русскаго театра“ (Русскій 1868, № 18); затѣмъ, тотъ же г. Родиславскій, въ статьѣ „Мольеръ въ Россiи“ (Русск. Вѣстн. 1872), посвятилъ рукописи Носова цѣлую страницу, извлекая изъ этой рукописи различныя свѣдѣнiя, называя ее драгоценнѣйшимъ источникомъ для исторiи русскаго театра и обѣщаясь „въ непродолжительномъ времени“ ее опубликовать. Это обѣщанiе было повторено имъ, въ прошломъ году, въ издававшемся въ Петербургѣ журналѣ Искусство, но „Хроника“ Носова явилась въ свѣтъ, трудами г. Барсова, въ Читенiяхъ прошлаго года, и затѣмъ отдѣльною книгою, заглавiе которой вынесано выше. О рукописи, съ которой она напечатана, г. Барсовъ не считалъ нужнымъ сообщить какихъ-либо свѣдѣнiй, кромѣ того, что она принадлежитъ Чертеговской библиотекѣ; отъ лицъ, видѣвшихъ эту рукопись, мы знаемъ, что она писана крупнымъ писарскимъ почеркомъ 40-хъ или 50-хъ годовъ, со множествомъ грамматическихъ ошибокъ и видимыхъ пропусковъ. Эта безграмотность, почему-то, во всей неприкосновенности воспроизведена и въ печатномъ изданiи, при чемъ къ ошибкамъ переписчика прибавилось не мало типографскихъ опечатокъ; все это придаетъ книгѣ какой-то странный, перащляпный видъ, не совсѣмъ обычный въ изданiяхъ ученыхъ обществъ. Г. Барсовъ напечаталъ рукопись, такъ-сказать, въ совершенно сыромъ видѣ, безъ всякихъ поясненiй и примѣчанiй, которыя при изданiи такого сочиненiя, по нашему мнѣнiю, необходимы болѣе, чѣмъ при какомъ-нибудь другомъ. Онъ ограничился лишь небольшимъ предисловiемъ, большая часть котораго посвящена полемикѣ съ А. Н. Веселовскимъ въ защиту Кони ¹⁾. Здѣсь, въ самыхъ общихъ выраженiяхъ, утвер-

¹⁾ Отвѣтитъ при этомъ, въ видѣ курьеза, что сочиненiе г. Веселоваго „Старинный театръ въ Европѣ“, неоднократно цитируемое г. Барсовымъ, по-

ждается, что факты, сообщаемые „Хроникою“, имѣютъ „первостепенную важность въ первоначальной исторіи нашего театра“. Единственнымъ доказательствомъ этого мнѣнія служитъ свидѣтельство самого Носова, что онъ пользовался рукописною исторіей русскаго театра, которая была составлена Дмитревскимъ по порученію Россійской академіи и затѣмъ „пропала безъ вѣсти“ (замѣтимъ, что Носовъ ничего не говоритъ о томъ, что онъ видѣлъ эту исторію и какъ ею пользовался); личность же Дмитревскаго — продолжаетъ г. Барсовъ словами Кони — „слишкомъ почтенна, любовь его къ театру слишкомъ велика и щепетильность его труда слишкомъ продолжительна, чтобы можно было заподозрить его въ вымыслъ“. Что касается до Носова, то онъ, по мнѣнію г. Барсова, едва ли могъ что-нибудь выдумывать отъ себя, такъ какъ „недостаточно владѣлъ даже грамматическимъ строемъ рѣчи“, — какъ будто для того, чтобы писать вздоръ, непременно нужно знать грамматику!

Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего предисловія, самъ г. Барсовъ ограничиваетъ безусловную достовѣрность „Хроники“ Носова, какъ историческаго источника, замѣчаніемъ, что въ ней „многое не выдерживаетъ критики, многое кажется сомнительнымъ и не достовѣрнымъ, но и далеко не все можетъ быть безусловно отрицаемо“. Посмотримъ же, какія именно свѣдѣнія, сообщаемыя „Хроникою“, могутъ быть приняты за достовѣрныя, и съ какими изъ нихъ критика не можетъ и не должна мириться.

„Хроника“ — или, какъ она озаглавлена въ самомъ текстѣ — „Лѣтопись русскаго театра отъ начала его основанія до конца XVIII вѣка“, представляетъ хронологическій матеріалъ, относящійся, собственно, къ внѣшней исторіи театра и расположенный (впрочемъ, довольно беспорядочно) по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ. По внѣшнему своему виду она напоминаетъ каталогъ или, лучше сказать, обширное собраніе театральныя афишъ. Между афишами, иногда въ началѣ ихъ, иногда въ концѣ, чаще же всего въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены различныя выписки, біографическія указанія, исто-

стоянно называется у него „Русскій театръ въ Европѣ“. Другое сочиненіе того же автора: „Deutsche Einflüsse auf das alte russ. Theater“ (Prag. 1876), по видимому, г. Барсову вовсе не известно, такъ какъ не упомянуто имъ въ перечислѣ пособій для первоначальной исторіи нашего театра. Ничего не сказалъ г. Барсовъ также и о статьѣ Штелина въ *Сиб. Вѣстникѣ* 1779 г., и о книгѣ Пехарскаго „Наука и литература въ Россіи“.

рико-литературныя замѣтки и т. д., безъ всякой внутренней связи между собою. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ массу матеріала для исторіи русскаго театра за 124 года (1661—1785), матеріала чрезвычайно любопытнаго, но который необходимо пересмотрѣть со всею внимательностью и осторожностью, чтобъ отдѣлить „плевелы“ отъ „пшеницы“ и опредѣлить качества послѣдней.

Съ первой же страницы „Лѣтописи“ читатель, знакомый съ предметомъ, встрѣчаетъ совершенную неожиданность. До сихъ поръ полагали, что театральныя представленія въ Россіи начались въ октябрѣ 1672 года, когда труппою Грегори была разыграна, въ присутствіи царя, драма «Эсѳирь». По „Лѣтописи“ же оказывается, что еще 26-го января 1661 года (какая точность!), въ кремлевскихъ царскихъ палатахъ, для потѣхи царя Алексѣя Михайловича и его царственнаго дома, представлена Флоренцинская комедія въ шести декораціяхъ; затѣмъ, въ слѣдующіе годы, тамъ же игрались флоренцинскія комедіи (стало быть, уже не одна, а нѣсколько разныхъ). При внимательномъ разсмотрѣніи оказывается однакоже, что это извѣстіе просто сочинено: составитель хроникъ прочелъ въ „Видюицкѣ“ Новикова статейный списокъ посольства Василя Лихачева во Флоренцію (1659 г.), гдѣ между прочимъ подробно описывается данное въ присутствіи пословъ театральное представленіе; и вотъ, составитель хроникъ соображаетъ, что Лихачевъ, по всей вѣроятности, разказалъ объ этой диковинкѣ царю, который самъ захотѣлъ видѣть „флоренцинскую комедію“ (кстати: въ XVII вѣкѣ говорили не „флоренцинскую“, а „флоренскую“, и самая Флоренція называлась по русски Флоренскомъ) и повелѣлъ ее представить — будто бы, въ годовщину своей свадьбы. Эту свою догадку „лѣтописецъ“ обратилъ въ дѣйствительный фактъ, и, для большей достовѣрности, даже пересчиталъ дни, въ которые, по его соображеніямъ, могли даваться театральныя представленія въ царскихъ палатахъ: конечно, это „должны были быть“ дни роженія и ангела царя, царицы и царевича, день вступленія царя на престоль, сятки, Новый годъ, масленица, послѣдніе дни Пасхи. Что эта сказка о русскомъ театрѣ 1661 года возникла именно такимъ путемъ, въ этомъ мы убѣждаемся и положительно, и отрицательно. Положительно — изъ того, что всѣ свѣдѣнія о „флоренцинской“ комедіи, будто бы игранный въ Москвѣ, цѣликомъ и слово въ слово списаны у Лихачева; отрицательно — изъ того, что еслибы въ Москвѣ, въ 1661 году, дѣйствительно произошло что-нибудь подобное, то, въ виду необычности такой цар-

ской потѣхи, о ней непременно существовали бы современныя извѣстія; между тѣмъ, ихъ вѣтъ и слѣда.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется другое замѣчаніе „Хроника“, что кievскія (школьныя) комедіи, прологи, интерлюдіи, канты и такъ-называемыя „польскія жарты“ во второй половинѣ XVII столѣтія распространились по Россіи и, между прочимъ, въ Москвѣ, гдѣ ими забавлялось простонародье; трудно только допустить, чтобы кievскія пьесы—или хотя бы только „жарты“—исполнялись въ царскихъ палатахъ: и объ этой потѣхѣ, еслибы она дѣйствительно происходила, мы не могли бы не имѣть современныхъ извѣстій—въ „Царскихъ выходахъ“ или другихъ документахъ, въ большомъ количествѣ сохранившихся до нашего времени.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ—какъ по своей неожиданности, такъ и потому, что оно прекрасно характеризуетъ направленіе „Хроника“ и понятія ея составителя—слѣдующее извѣстіе, послужившее для г. Барсова поводомъ къ возраженіямъ А. Н. Веселовскому. Въ январѣ 1671 года состоялась свадьба царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кирилловною Нарышкиной: „Московскіе бояре и боярши“, говоритъ „Хроника“,—„желая потѣшить повобрачныхъ, сговорились разыграть въ царской потѣшной палатѣ комедію, самими ими сочиненную изъ сказокъ, въ разговорахъ, съ пѣснями и плясками, которыя (?) имъ разказывали ихъ дѣдушки и бабушки, потѣшая ихъ въ ребячествахъ“. И вотъ, 25-го января, въ Кремлевскомъ дворцѣ была, будто бы, представлена „Яга-Баба“, „комедія-сказка“ (?) съ пѣснями и плясками. Юня 8-го, того же года, въ день рожденія царевича Федора; тѣми же боярами и боярынями была представлена комедія „Турь“ („богъ древнихъ Кіевлянъ“—поясняется въ примѣчаніи)—и уже не только съ пѣснями, но и „съ славянскими, уральскими, польскими танцами и разными играми“; далѣе слѣдовали подобныя же комедіи „Праздникъ Услада“ и „Коляда“. И уже послѣ этихъ неоднократно повторявшихся спектаклей прибыли въ Москву выписанные „изъ Нѣмецїи“ комедіанты (то-есть, трушпа Грегори) и открыли свои представленія 13-го іюля 1672 года (какъ вполне достоверно извѣстно, это произошло не 13-го іюля, а 17-го октября). Алексѣй Ник. Веселовскій, въ своей книгѣ „Старинный театръ въ Европѣ“ (М. 1870, стр. 316—318) совершенно основательно заподозрилъ это показаніе Дмитревскаго, извѣстное еще по статьѣ Коши; но г. Барсовъ не соглашается съ его возраженіями и считаетъ вполне вѣроятнымъ и возможнымъ существованіе комедій съ приведенными выше

названіями; онъ полагаетъ только, что это были не пьесы, „основанныя на мнѳологической идеѳ и развитыя въ баснословныхъ дѳйствіяхъ“ (?), а престонародныя праздничныя игры, переведенныя лишь въ боярскія и царскія хоромы и получившія здѳсь „болѳе облагороженную форму“ (однимъ изъ признаковъ этого „благородства“ г. Барсовъ считаетъ замѳну традиціоннаго помела, на которомъ разѳзжаетъ Яга, „махиною“). Далѳе, г. Барсовъ не видитъ ничего страннаго въ названіяхъ этихъ комедій и объясняетъ ихъ тѳмъ, что „заправлявшіе ими бояре знакомы были хотъ съ тѳмъ же Кіевскимъ Синописомъ или съ какою-нибудь польскою хроникой“.

Что касается до „Синописа“ Иннокентія Гизеля, то приближеннымъ Алексѳя Михайловича въ 1671 году было довольно трудно познакомиться съ этою книгою, такъ какъ первое ея изданіе вышло въ Кіевѳ лишь въ 1674 г.; польскія же хроники (какія, напримѳръ?) едва ли были имъ на столько доступны, какъ предполагаетъ авторъ; но дѳло не въ томъ: названія этихъ „комедій-сказокъ“ совершенно соотвѳтствуютъ тѳмъ фантастически-сентиментальнымъ понятіямъ о славянскомъ „баснословіи“, которыя были у насъ въ ходу въ концѳ прошлаго столѳтія, и которыхъ въ XVII вѳкѳ не существовало; а „славянскіе, уральскіе и польскіе“ танцы отзываются временемъ еще повдѳйшимъ; также трудно допустить, чтобы бояре и боярыни занимались сочиненіемъ комедій, какъ будто бы это были эрмитажныя гости Евтеріяны II. Съ другой стороны, сущность факта, сообщаемаго Дмитревскимъ, если очистить этотъ фактъ отъ приставшей къ нему ложноклассической шелуди, представляется намъ вѳроятною. Въ самомъ дѳлѳ, нѳтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на святкахъ, на масланицѳ, въ Троицу и другіе дни народно-обрядоваго календаря въ покояхъ царицы устраивались обычныя увеселенія — игры, гаданья, переряживанья и т. п. Вѳроятно также и то, что и царь любилъ смотрѳть на такія потѳхи, съ музыкой и плясками; но отсюда до театральныхъ представленій, до „комедій“ съ какими-нибудь сценическими приспособленіями еще очень далеко. Идея, въ силу которой произведенія народной поэзіи слѳдовало „облагораживать“ (въ духѳ ложноклассическихъ „правилъ“), является у насъ во второй половинѳ прошлаго столѳтія; Дмитревскій, какъ и прочіе его современники, конечно, раздѳлялъ ее и потому постарался придать сообщаемымъ имъ извѳстіямъ о царскихъ потѳхахъ болѳе „благопристойную“ по его понятіямъ форму. Это стараніе, а можетъ быть, и бессознательно усвоенная привычка прикладывать въ фактамъ давно-

прошедшаго новую классическую мѣрку проходить черезъ всю „Хронику“, наполняя ее самыми наивными анахронизмами. Нѣсколько примѣровъ будетъ приведено нами въ своемъ мѣстѣ ¹⁾. Теперь же перейдемъ къ извѣстіямъ, относящимся уже не къ доисторической, а къ исторической эпохѣ существованія русскаго театра.

Въ воскресенье, 30-го іюня 1672 года—повѣствуетъ „Хроника“, вообще всегда сообщающая самыя опредѣленныя (и потому подозрительныя) хронологическія данныя—прибыли въ Москву выписанные изъ Нѣмецїи комедіанты (то-есть, труппа Грегори), и директоръ ихъ представилъ царю репертуаръ, въ которомъ находились слѣдующія піесы: „Навуходоносоръ“, „Блудный сынъ“, „Сожженіе трехъ отроковъ въ печи“, „Царь Ассуръ“ (стр. 6—7). Это—очевидное недоразумѣніе. Перечисленныя піесы, то-есть, „Навуходоносоръ“ и „Сожженіе“ (это не двѣ піесы, а одна) и „Блудный сынъ“ (о „Царѣ Ассурѣ“ нигдѣ, кромѣ „Хроники“, нѣтъ никакихъ свѣдѣній), написаны, какъ извѣстно, Симеономъ Полоцкимъ; у Грегори же былъ свой особый репертуаръ, изъ котораго намъ извѣстны: „Эсепъ“ или „Артаксерксово дѣйство“ (представлена 17-го окт. 1672), „Тонія младшій“ (2-го ноябра 1673), „Іудинъ“ (8-го декабря 1674), „Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ“, „Малая прохладная комедія объ Іосифѣ“ и „Малая комедія Баязеть и Тамерланъ“ ²⁾. Происхожденіемъ этихъ піесъ составитель „Хроники“ не знаетъ, и дней, когда онѣ были представлены, не указываетъ. Между тѣмъ, нужно же ему было указать, какія именно „дѣйства“ игрались нѣмецкими актерами; и вотъ онъ прибѣгаетъ къ гипотезѣ, выдавая ее, по своему обыкновенію, за несомнѣнный фактъ. Онъ говоритъ, что творцомъ русскихъ мистерій (?) былъ Симеонъ Полоцкій, который „сочинялъ ихъ для православныхъ христіанъ-Россїанъ, дабы они, послѣ трудовъ и заботъ, въ воскресные и праздничные дни, вмѣсто разгуловъ, кулачныхъ боевъ и винопійства, за-

¹⁾ Припомнимъ кстати курьезныя разсужденія, совершенно въ томъ же духѣ, Елагина, который въ своемъ „Опытѣ повѣствованія о Россїи“ (М. 1803, ч. I, стр. 392—299) говоритъ, что извѣстный разказъ летописца о колебаніяхъ Владиміра Святаго между различными религіями взятъ „изъ записокъ театральнаго артелища“, устроеннаго миссіонеромъ при помощи „хитрой Гречаники, матери Святополка, въ монастырѣ бывшей“. Елагинъ разказываетъ даже содержаніе каждаго изъ пяти дѣйствій предположенной имъ мистерїи. Не мало встрѣтимъ и въ „Хроникѣ“ подобныхъ извѣстій, едва ли нуждающихся въ опроверженіи.

²⁾ См. *Тихонравова*, Русск. драм. произведенія, I, XLIII.

нимались чтеніемъ сихъ духовныхъ комедій-мистерій и научились бы изъ оныхъ добродѣтели, великодушію, благонравію и кротости. (!) и не воображалъ, чтобы его комедіи-мистеріи когда-либо были разыграны; рукописи оныхъ, которыя онъ дарилъ (тѣмъ) кто только желалъ имѣть ихъ у себя, переходили изъ рукъ въ руки, переписывались, переводились съ славянскаго языка на французскій, нѣмецкій языки (!) и разыгрывались на оныхъ по иноземнымъ городамъ. Какимъ былъ пораженъ изумленіемъ Полоцкій и какимъ объятъ восторгомъ, когда услышалъ изъ устъ толмача, читавшаго царю привезенный нѣмецкимъ директоромъ репертуаръ пьесъ, игравшихъ уже въ Нѣмеціи, его (Полоцкаго) сочиненія!" (стр. 9).

Источника этихъ свѣдѣній, наивность которыхъ едва ли нуждается въ доказательствѣ, составитель „Хроники“, по своему обыкновенію, не указываетъ; да такого источника, конечно, и не существуетъ. Соответственно его мнѣнію, что труппа Грегори ставила только пьесы Полоцкаго, составлены и всѣ дальнѣйшія показанія „Хроники“. Такъ, по ея свидѣтельству, первый спектакль Грегори состоялся 13-го іюля 1672 г., при чемъ была представлена „комедія-мистерія съ хорами и балетами“ (!) С. Полоцкаго: „Навуходоносоръ, или какъ царица Юдиноѣ царю Алаферну голову отсѣкла“, въ семи дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Какъ мы уже говорили, день и пьеса этого перваго спектакля указана здѣсь невѣрно; невѣрно также указано и на авторство С. Полоцкаго. Послѣдній, дѣйствительно, написалъ пьесу „(1) Навуходоносоръ царь, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи не сожженныхъ“ (Тихонравовъ, I, 324); по пьеса, названіе которой выписано выше, совсѣмъ иная: это—„Юдиноѣ“, переведенная съ нѣмецкаго и иногда называемая „Навуходоносоромъ“, по имени перваго дѣйствующаго лица. Полоцкому она не принадлежитъ, и хотя дѣйствительно была представлена труппою Грегори, но не въ 1672, а въ 1673 г., 2-го ноября (тамъ же, XLIII, 76). Составитель „Хроники“, которому эта пьеса была, очевидно, хорошо извѣстна, такъ какъ она напечатана еще Новиковымъ въ VIII ч. „Вивліюники“, приводятъ и афишу, конечно, фантастическую, изъ которой, между прочимъ, оказывается, что роль Юдинои играла тогдашняя знаменитость европейской сцены, копенгагенская примадонна Анна Пуансонъ (въ другихъ источникахъ ее зовутъ Паульсонъ), которую будто бы Грегори выписалъ въ Москву. Извѣстіе о присутствіи въ Москвѣ этой актрисы сообщено было еще Малиновскимъ, въ его статьѣ о началѣ русскаго театра (Сѣв. Архивъ 1822, ч. IV), но не подкрѣпи-

лено указаніемъ на современный памятникъ, изъ котораго оно заимствовано, а потому его и трудно принять на вѣру (ср. Тихонравова, I, IX) ¹⁾.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на постановку „трагедіи“—тоже, будто бы, Симеона Полоцкаго—„Артаксерксъ или повѣщенный Аманъ“, в опять съ афишкой. Это—„Эсэиръ“ Грегори. Относительно приводимыхъ въ „Хроникѣ“ афишекъ замѣтимъ, что въ нихъ перечисляются обыкновенныя нѣмецкія фамиліи—Шустеръ, Шубертъ, Вирманъ, Рейнгольдъ, Берхъ, и нѣтъ указанія на лицъ, несомнѣнно участвовавшихъ въ труппѣ Грегори. Такъ, наприимѣръ, извѣстно, что въ „Эсэирѣ“ главную роль игралъ сынъ д-ра Влументроста; въ декабрѣ 1672 царь пожаловалъ въ прапорщяки актера Фридриха Госена; около того же времени упоминается Рингуберъ; онъ, „по приказанію царскаго величества, наставлялъ *in exercitio comico* дѣтей, которыя должны были дѣйствовать въ „Эсэирѣ“; ни одного изъ этихъ именъ въ „Хроникѣ“ нѣтъ и слѣда (Тихонравовъ, I, IX).

Изъ другихъ пьесъ, будто бы игранныхъ труппою Грегори, въ „Хроникѣ“ названы сочиненія С. Полоцкаго: „Царь Ассуръ“, „Рождество Христово“, „Великомученикъ Дмитрій“, „Воскресеніе мертвыхъ“; мистерія „Страсти Ісуса“, въ которой, среди дѣйствующихъ лицъ, является „хоръ учениковъ и Ісусовъ“ (?); „Агарь въ пустыни“, драма на музыкѣ, и „Осада Іерусалима“, историческое представленіе, сочиненіе директора нѣмецкихъ комедіантовъ, Вильгельма Рейнгольда (?) и другія подобныя же пьесы, до сихъ поръ нигдѣ не упоминавшіяся. О степени достовѣрности этихъ показаній можно судить хотя бы по тому, что говорится о содержаніи пьесы будто бы Полоцкаго: „Царь Ассуръ, камедь въ лицедѣйствіяхъ (?) съ французскими плясками и мусикійскими инструментами“ (стр. 16): подъ этимъ заглавіемъ, просто, передается извѣстное показаніе Рейтцефельса о балетѣ „Орфей“ ²⁾, которое составитель „Хроники“ заимствовалъ изъ небольшой статейки въ Русской Старинѣ Корниловича 1882 г. (стр. 126): на это указываетъ помѣщенный въ

¹⁾ Эту Паульсонъ, которая, по всей вѣроятности, въ Россіи не была, составитель «Хроники» представляетъ постоянною, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, актрисою московской труппы. Ея имя стоитъ на всѣхъ пенсияхъ; она, будто бы играла даже роль «Блуднаго сына» въ комедіи С. Полоцкаго... Ей приписано сочиненіе комедіи въ 1-мъ дѣйствіи «Адамъ и Ева» (стр. 52).

²⁾ *Wesselofsky*, *Deutsche Einflüsse*, 21.

„Хроникъ“ переводъ нѣмецкихъ стиховъ. Ни о какомъ „Царѣ Аса“ здѣсь вѣтъ и помину. Что касается до „директора нѣмецкихъ комедій“ Рейнгольда, то какъ его личность, такъ и указанная сочиненія его, слѣдуетъ, кажется, признать апокрифическими крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока существованіе ихъ не будетъ подтверждено несомнѣнными документальными данными.

Дальнѣйшія извѣстія „Хроники“ о первоначальномъ періодѣ сваго театра до такой степени краснорѣчиво сами себя опровергаютъ, что критикъ совсѣмъ нечего съ ними дѣлать. Такъ, въ длинномъ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 7—9 сообщаются слѣдующія сведения о происхожденіи мистерій на Западѣ и о древнѣйшихъ мистеріяхъ, преимущественно французскихъ; далѣе, подъ 1675 и слѣдующими годами заглавія этихъ французскихъ мистерій фигурируютъ у афишекъ московскаго театра. Такъ, если вѣрить „Хроникѣ“, 29-го 1675 г. на домашнемъ театрѣ княгини Анны Ив. Хованской собственными ея комедіантами, представлень „Знаменитый праздношлющовъ и дураковъ“; затѣмъ идутъ мистеріи Ренуара: „Мудрый и глупый дѣла“ и Жюбиньяля: „Пришествіе Антихриста“¹⁾, „Святая догуна, погребальная сцена въ разговорахъ“²⁾, и т. п. Затѣмъ зываются такія пьесы, какъ „Нѣмецкая пирушка или принцъ хохломъ“ (комедія съ танцами), „Горе-богатырь“, комедія-сатира (заглавіе извѣстной комедіи Екатерины II: „Горе-богатырь Котовичъ“), „Шаманъ Сибирскій“ (заглавіе другой ея комедіи); наконецъ, опять являются пьесы изъ области „славянскаго баснословія“ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ приписывается сочиненіе комедіи: „Салва или славянскія нимфы“ (?!); другіе, неизвѣстные авторы бы написали слѣдующія комедіи, и опять съ „уральскими“ плясками: „Кикиморъ или ночное пугалище“, „Козы въ сарафанѣ“, „Ильинскій богатырь, и Солоней-разбойникъ“ и т. п. При подобной обстановкѣ трудно не признать подозрительною подробной афишкой спектакля 17-го сентября 1678 года, въ которомъ была представлена переведенная царевной Софіей комедія Мольера „Врачъ противъ врага“, хотя г. Веселовскій и полагаетъ³⁾, что сочиненіе цѣлой афишки

¹⁾ Забавное недоразумѣніе: ни Ренуаръ, ни Жюбиньяль, французскіе первой половины текущаго вѣка, никакихъ мистерій не сочинили; изданъ нѣсколько мистерій средневѣковыхъ.

²⁾ Въ прим. на стр. 7 говорится: «Григорій Турскій пишетъ, что въ при походахъ (sic) св. Радегунды, около двухсотъ монахинь были погребены на сцену въ разговорахъ вокругъ ея гробницы».

³⁾ Стар. театръ въ Европѣ, 360.

съ именами и лицами того времени, было бы почти немислимо. Прибавимъ, что той же царевнѣ Софьѣ „Хроника“ приписываетъ еще одинъ переводъ съ нѣмецкаго: „Мѣдный конь или осада Трон“, сочиненіе В. Рейнгольда, и сочиненіе мистеріи „Екатерина Мученица“¹⁾.

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя „Хроникой“ о первоначальномъ, до-петровскомъ театрѣ нашемъ. Мы рассмотрѣли ихъ подробно, желая, въ виду важности этой эпохи въ исторіи русскаго „комидійнаго дѣла“, опредѣлить достоинство „Хроники“, какъ историческаго источника. Результатъ нашего анализа, кажется, долженъ привести скорѣе къ отрицательному, чѣмъ къ положительному результату: всѣ, или почти всѣ, новыя данныя для исторіи театра, почерпаемыя изъ этого источника, должны быть по меньшей мѣрѣ заподозрѣны, какъ мало вѣроятныя или находящіяся въ прямомъ противорѣчьи съ имѣвшимися до сихъ поръ, болѣе или менѣе несомнѣнными, документальными показаніями. Въ числѣ нашихъ писателей прошлаго столѣтія, къ которымъ принадлежалъ и предполагаемый составитель лѣтописи русскаго театра И. А. Дмитревскій, далеко не всѣ имѣли ясное представленіе о пріемахъ исторической науки и критики и нерѣдко, увлекаясь своими соображеніями о прошлыхъ временахъ, выдавали то, что, по ихъ мнѣнію, могло или должно было быть, за дѣйствительно бывшее. За примѣрами ходить не далеко: они извѣстны всякому, кто читалъ историческія сочиненія XVIII вѣка — Татищева, князя Щербатова, Елагина и др. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что въ такихъ случаяхъ всегда имѣло мѣсто намѣренное искаженіе фактовъ или „сочинительство“; въ большинствѣ случаевъ это черезчуръ свободное обращеніе съ исторіей приходится относить къ общему „умоначертанію“ прошлаго вѣка, видѣвшему въ исторіи лишь собраніе примѣровъ для подтвержденія заранѣе сложившихся, независимо отъ историческаго матеріала, взглядовъ и убѣжденій; за неизмѣнимъ подъ рукою готовыхъ примѣровъ, писатель иногда не затруднялся создавать повые, разсуждая по аналогіи. Такъ, по видимому, поступалъ и Дмитревскій, нисколько не заботясь о документальномъ подтвержденіи сообщаемыхъ имъ фактовъ или о соотвѣтствіи ихъ съ общимъ характеромъ той эпохи, къ которой онъ ихъ относилъ. Впрочемъ,

¹⁾ Последнее показаніе, кажется, вѣрно; по крайней мѣрѣ, его подтверждаетъ Карамзинъ въ Пантеонѣ росейскихъ авторовъ. Ср. Дранова, Лѣтопись русск. театра (С.-Пб. 1861), стр. 19.

трудно рѣшить, на чей счетъ слѣдуетъ поставить слабыя стороны вѣловкой компіляціи, изданной теперь подъ именемъ „Хроники русскаго театра“, — на счетъ ли Дмитревскаго, или на счетъ его передѣлывателя и продолжателя, Носова, который, по видимому, пользовался показаніями Дмитревскаго очень свободно и очень много передѣлывалъ по своему вкусу или прибавлялъ отъ себя (такъ напримѣръ, въ числа указанныхъ выше несообразностей „Жюбиональ“ принадлежитъ къ числу прибавокъ Носова: этотъ ученый, начавшій писать съ тридцатыхъ годовъ, не могъ быть извѣстенъ Дмитревскому, умершему въ 1821 г.). Какъ бы то ни было, разборъ „Хроники“ приводитъ насъ къ заключенію, что сообщаемыми ею данными относительно первоначальной исторіи русскаго театра можно пользоваться только въ тѣхъ случаяхъ, когда они подтверждаются изъ другихъ источниковъ; другими словами, въ научномъ отношеніи эта часть „Хроники“ совершенно бесполезна, какъ не дающая ничего новаго.

Подозрительный или явно апокрифическій характеръ свѣдѣній, сообщаемыхъ „Хроникою“ относительно театра въ XVII столѣтіи, заставляетъ относиться и въ дальнѣйшимъ ея показаніямъ съ крайнею осторожностью, тѣмъ болѣе, что и въ нихъ мы встрѣчаемъ немало явныхъ несообразностей. Укажемъ лишь главнѣйшія, такъ какъ подробное ихъ перечисленіе заняло бы слишкомъ много мѣста: безъ преувеличенія можно сказать, что въ той части „Хроники“, гдѣ говорится о театрѣ при Петрѣ Великомъ, нѣтъ ни одной страницы, гдѣ не встрѣчалось бы чего-нибудь подозрительнаго, педѣроятнаго или курьезнаго.

Извѣстно, что царевна Софья Алексѣевна пострижена въ монахини 21-го октября 1698 г. и съ тѣхъ поръ до самой смерти своей, 3-го іюля 1704 г., жила несходно въ монастырѣ. Составитель „Хроники“, очевидно, объ этомъ не зналъ: по его свидѣтельству, въ 1701, 1702 и 1703 гг. въ теремахъ царевны все еще продолжались театральныя представленія, и какія еще ставились пьесы! Совершенно такія же, какія можно было видѣть гдѣ-нибудь на помѣщичьей сценѣ конца XVIII вѣка. Напримѣръ, „Ай-да друзья! или Промотавшійся господинъ“, комедіи въ 1 д., въ вирнахъ, „сочиненная въ пасмѣшку промотавшимся помѣщикамъ“. Дѣйствующими лицами являются: Антонъ Абрамовичъ Мотовъ; Минодора Антиповна, жена его; Евфросинія, горничная ихъ; Филиппъ, слуга Мотова. А вотъ и образецъ комедіи: Мотовъ. Эй, малой, малой! — Филиппъ. Ась? — Мотовъ. Подай водки алой! — Филиппъ. Да гдѣ она? — Мотовъ. Вотъ

подставецъ.—Филиппъ. Онъ нусть.—Мотовъ. Ступай во погребецъ.
„Прочія вирши“, прибавляетъ дѣтописецъ,—„остались во мрачности“.

Въ 1703 г., въ четвергъ, 17-го іюня—повѣствуется дагѣ „Хроника“—въ теремахъ Софьи Алексѣевны, въ день ея рожденія, придворными ея дамами и кавалерами представлена комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Въ этомъ заглавіи, конечно, слѣдуетъ видѣть политическій намекъ. Такой же намекъ слѣдуетъ видѣть и въ совершенно навѣроатномъ извѣстіи, будто въ маѣ 1716 г., для открытія выстроеннаго въ Петербургѣ театра, была представлена трагедія „Стрѣльцы“, сочиненная царевною Софьею. Если Петръ Великій иногда и позволялъ себѣ подобныя шутки, то только надъ живыми, и въ 1716 г. ему, конечно, не было никакой причины и надобности глумиться надъ своею, уже за 12 лѣтъ предъ тѣмъ умершею, сестрой.

Изъ другихъ любителей театра при Петрѣ Великомъ, если вѣрять „Хроникѣ“, особенно отличались ученики Законодательской академіи. Вотъ нѣкоторыя пьесы, ими сочиненныя и игранныя: „Кутейники“, шутливая драма на музыкѣ; „Шемакинъ судъ“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ; „Іоаннъ Грозный или взятіе Казани“, трагедія; „Князь Пожарскій или освобожденіе отъ супостатовъ Москвы“, отечественная драма, и т. д. Кажется, эти заглавія говорятъ сами за себя.

Такимъ образомъ, и относительно исторіи русскаго театра при Петрѣ Великомъ разборъ „Хроники“ даетъ также мало утѣшительные результаты, какъ и относительно исторіи театра въ XVII вѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи „Хроники“ попадаетъ меньше видныхъ несообразностей и курьезовъ. Здѣсь, кромѣ извѣстій о представленіяхъ на русскомъ языкѣ, находятся, начиная съ 1731 года, извѣстія о представленіяхъ италіанской, нѣмецкой и французской труппъ, появившихся въ то время въ Петербургѣ (между прочимъ, италіанскіе актеры носятъ чисто-нѣмецкія фамиліи: Отто, Вольбринъ, Адамсонъ и т. д.) Тутъ составитель „Хроники“, видимо, пользовался „Краткимъ извѣстіемъ о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“ Штеллина (С.-Пб. Вѣстн. 1779), откуда нѣкоторыя извѣстія заимствовалъ почти дословно.

Съ конца 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія Дмитревскій могъ писать уже „не по замышленію Бояню, а по былинамъ своего времени“, какъ дѣятельный участникъ въ созданіи новой русской сцены. Къ сожадѣнію, мы имѣемъ передъ собою не подлинный трудъ Дмитревскаго, а лишь составленную на основаніи этого труда компіляцію,

не свободную отъ разнаго рода погрѣшностей вольныхъ и невольныхъ, такъ что и по отношенію къ этой части „Хроника“ осторожность необходима. Показанія „Хроника“, вообще довольно обстоятельны, нерѣдко расходятся съ показаніями „Драматическаго Словаря“ 1787 г., который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ большаго довѣрія. Эти разногласія касаются или времени представленія той или другой пьесы, или количества дѣйствій, именъ авторовъ, переводчиковъ или актеровъ. Между прочимъ, „Хроника“ приписываетъ Фед. Гр. Волкову и Дмитревскому сочиненіе или переводъ такихъ проияведеній, которыя въ другихъ источникахъ (напримѣръ, у Соניкова) показаны принадлежащими другимъ лицамъ. Въ особенности любопытно это относительно Волкова, который упомянутъ въ числѣ писателей митрополитомъ Евгеніемъ только потому, что, по свидѣтельству Новикова, сочинилъ нѣсколько пѣсень и началъ оду Петру Великому. Изъ печатныхъ сочиненій ему приписана у Евгенія и Соניкова (№ 6225) „Торжествующая Минерва“; но это—описаніе маскарада, имъ устроеннаго, къ которому стихи (объяснительные) сочинилъ Херасковъ. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ статьѣ о Волковѣ, приписанъ ему еще переводъ пьесы Метастазія „Титово милосердіе“, 1742 г.; но въ „Драматическомъ Словарѣ“ переводчикомъ названъ Княжнинъ. Поэтому Волкова до сихъ поръ и не считали въ числѣ писателей; если же вѣрить „Хроникѣ“, то труды Волкова должны доставить ему довольно видное мѣсто въ исторіи нашей драматической литературы. Дмитревскому также безъ всякаго основанія приписано здѣсь много чужихъ трудовъ, между прочимъ переводъ съ англійскаго „Ричарда III“ Шекспира, сдѣланный и поставленный на сцену будто бы въ 1759 году. Объ этомъ переводѣ мы нигдѣ не нашли свѣдѣній. Въ „Драматическомъ Словарѣ“ указанъ „Ричардъ III“, по въ переводѣ съ французскаго и съ 1783 годомъ.

Точно также ошибочно и показаніе „Хроника“ относительно перваго представленія Фонвизинскаго „Бригадира“, которое будто бы состоялось въ Москвѣ 12-го ноября 1763, между тѣмъ какъ извѣстно, что „Бригадиръ“ написанъ тремя годами позже, въ 1766 году ¹⁾.

Подобныхъ мелкихъ неточностей и промаховъ не мало и въ этой

¹⁾ Сочиненія Ф.-Визина, изд. Глазунова, стр. 668. „Хроника“ вообще отличается какою-то странною склонностью факты поздніе отодвигать къ болѣе далекому времени.

„Хроники“¹⁾, переписанной, къ тому же, очень небрежно и съ видными пропусками. Но все-таки нужно признать за нею, относительно второй половины прошлаго столѣтія, такое же, приблизительно, значеніе, какое имѣетъ, для первой четверти нашего вѣка, „Лѣтопись русскаго театра“ Арапова, значеніе полезнаго справочнаго указателя, который, при внимательной провѣркѣ съ другими подобными трудами, можетъ оказать историку театра значительныя услуги. Этимъ, по нашему мнѣнію, и ограничивается достоинство „Хроникъ“, какъ историческаго труда.

И. Морозовъ.

Сношенія Рима съ Москвой.

(Разборъ трудовъ по русской исторіи о. Павла Пирринга).

Въ октябрьской книжкѣ французскаго ученаго журнала *Revue des Questions Historiques*, 1883 года, опубликовано замѣчательное воззваніе нынѣшняго папы Льва XIII къ кардиналамъ— вице-канцлеру де-Лузи, бібліотекарю Питрѣ и начальнику архивовъ Ватикана Гергенрёттеру, приглашающее ихъ принять мѣры противъ искаженія исторіи и противъ извѣстовъ и клеветы на католическую церковь и папство. Появленіе этого документа вызвано вопросами дня, и рекомендуемыя въ немъ средства предусматриваютъ собственно мѣстную италянскую болѣзнь. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя не признать, что онъ имѣетъ болѣе общее, такъ-сказать, универсальное значеніе, потому что трактуетъ о всеобщей исторіи, о разработкѣ этой науки въ ученыхъ сочиненіяхъ, объ обученіи исторіи въ университетахъ и школахъ.

Исторія нынѣ обратилась въ злоумышленіе противъ истины (*l'art de l'historien est une conspiration contre la vérité*), старыя обвиненія снова пущены въ оборотъ, ложь дерзко проникла въ многотомныя компіляціи, въ тощіе памфлеты, въ газеты и журналы и театральныя піесы. Но самое важное заключается въ томъ, что тотъ же методъ

¹⁾ Не мало въ „Хроникѣ“ ошибокъ и въ указаніи иностранныхъ авторовъ переводимыхъ піесъ; счѣтаемъ однако малымъ приводить примѣры послѣ того, какъ нами указаны многочисленныя недостоверныя сообщенія „Хроникъ“ о сактахъ русскихъ.